Глава 1

Опираясь на деревянный брус, закрепленный поперек двери теплушки, я слушал ставший уже привычным редкий перестук колес, разглядывая чинно проплывающие мимо пейзажи. Тем более что неинтересная степь уже закончилась и пошло разнообразие. То роща, то поля, то речка, то виднеющаяся вдалеке деревня. Да и просто стоять вот так, ловя лицом не сильный встречный ветерок, было приятно. Ну, правда до тех пор, пока паровозный дым не начнет задувать в вагон. Тогда вся окрестная пастораль моментально приобретает кисло-едкий привкус сгоревших в топке дров, и дверь лучше прикрыть, зафиксировав веревкой, оставив узкую щель. А то теплушка может быстро превратиться в газенваген.

Хотя сам вагон нам достался, можно сказать, со всеми удобствами. Не просто, где «сорок человек или восемь лошадей», а прямо-таки люкс. Треть пространства была отгорожена дощатой перегородкой с дверью. Там были установлены нары и печка-буржуйка. В дальнем углу присутствовала дырка в полу, для отправления естественных надобностей. Что еще нужно для полного счастья? Только если воды на станции набрать. И самое главное — нет той толчеи, что происходит в пассажирских вагонах поезда. Правда, буквально на каждой крупной станции

приходилось закрывать двери, пытаясь отсечь поток желающих проехать по железке. А то поначалу к нам пару раз пытались влезть какие-то хмурые мужики с огромными мешками. И не просто влезть, а еще и права покачать. Лишь сунутый под нос ствол заставлял глухо матерящихся коробейников убраться.

Хотя в Ростове мне предлагали для путешествия вагон какого-то из великих князей. С бархатом, медью и позолотой внутри. Но к нему прилагалось два услужливых проводника, поэтому пришлось заявить, что у меня с собой лошади, в связи с чем царские апартаменты исключаются. Вот и получил сию теплушку. Только не надо думать, что я внезапно проникся идеями равноправия и, движимый аскетизмом, с негодованием отказался от комфортной роскоши. Хрен вы угадали. Меня напрягали те самые улыбчивые проводники. А я с момента получения телеграммы от ВРИО председателя СНК не доверяю никому, кроме своих парней. Просто если у кого-то хватило ума и возможностей сотворить «липу» на таком верху, то неизвестно, чего от них вообще ожидать можно. Поэтому зачем мне нужны возможные шпионы под боком?

Дело в том, что вроде бы совершенно нормальная правительственная телеграмма была отправлена без необходимых меток. Для того месяца и того дня в настоящем послании должно присутствовать слово «звезда» в любом контексте и точка с запятой в конце. Их не было, а значит, телеграмму послал не Жилин. При посторонних я не показал вида, что... хм... несколько взволнован, но уже в расположении батальона выложил свои сомнения мужикам. Комиссар моментально «упал на измену» и, переполошившись, вообще настоятельно рекомендовал

никуда не ехать. От избытка чувств нахватавшийся морского сленга Лапин выдал:

— Твою мать... в клюз... через колено... в центр мирового равновесия... Да ты... Да они... — после чего, немного придя в себя, слегка поуменьшил экспрессию: — Ты совсем е...? В смысле — с ума сошел? Не понимаешь, чем это закончится? Тебя же просто убьют! Ведь мы даже не знаем, на каком уровне произошло предательство и кто это тебя таким хитрым способом выманивает!

Примкнувший к нему Буденный (еще тот знаток обсценной лексики), уважительно кивавший во время комиссарского спича, тут же орально поддержал однополчанина. При этом будущий маршал внес некий конструктив, добавив в витиеватые обороты не просто предостережение от поездки, а настаивая на немедленном подключении к делу чекистов.

Выслушав коллег, я ухмыльнулся:

— Ну так уж и не знаем... А если подумать? Кому мы буквально намедни оттоптали нежные демократические гениталии?

Кузьма, пару раз мигнув, тряхнул головой, ошарашенно произнеся:

— Да нет... Не может быть... Это же наши товарищи... Неужели они посмели... Но зачем?!

Я фыркнул:

— Что за женские вопросы? «Зачем?» Просто граждане из военной оппозиции, получив послание от своих людей о том, что произошло в батальоне, подняли волну. Ведь их делегатов чуть не шлепнули, а «донна Роза» так вообще под вышкой ходит. В плену, можно сказать. Вот в «товарищах» говно и вскипело, после чего они пошли на подлог, направив нам фальшивое сообщение.

— Зачем?!

— Да просто. Ведь надавить на меня можно только через Жилина. А надавить не получится, так как он их сам не переваривает. Плюс у нас на руках есть решение трибунала. Но вот если меня в Москве арестовать, то Чура можно будет легко обменять на Розу. Или даже не сразу менять, а для начала тоже засунуть под трибунал. Но уже состоящий из своих людей.

Семен пожал плечами:

— Тогда вообще не вижу смысла так рисковать. Я же говорю — подключить чекистов и послать телеграмму товарищу Жилину. Пусть они разбираются...

Махнув рукой, я злобно ответил:

— Они там уже разбирались. Долго разбирались. Дискуссии, мля, вели. Договориться пытались. Без толку... И ладно бы если эти теоретики просто в своем котле варились. Хрен бы на них. Но ведь они в войска агитаторов засылают. Вот в чем проблема! Поэтому считаю, что подобные начинания надо давить в зародыше. И вот эта телеграмма, а также факт возможной попытки ареста легендарного комбата, мне развяжет руки. В общем, как говорил один веселый человек: «Сядут усе!»

Комиссар, задумавшись, выразил сомнение:

— А вдруг это не они? Вдруг это вообще беляки? Или еще кто...

Придав саркастичности взгляду, я отбил выпад:

— Угу! Ты еще скажи — немцы! Не-е... печёнкой чую, что это наши «товарищи» постарались. Да и по времени подходит. Та сладкая парочка в коже как раз успела добраться до Ростова и дать паническое сообщение. Вот их руководство и приняло меры. — Тут я вспылил: — Биомать! Мудаки ссыкливые!

Значит, решили, пока руководство не в курсе, пропихнуть свои идеи. А когда поняли, что это не просто не получилось, а они знатно обосрались, начали дергаться и усугублять.

Буденный, выслушав меня, нахмурился и, потрогав остатки былой роскоши над верхней губой, решительно сказал:

— Я с тобой поеду.

Пришлось возражать:

— Нет. Ты за старшего остаешься. Поедем мы с Бергом. — И предупреждая готового вскинуться Лапина, продолжил: — Для всех — едут только двое. С торжественными проводами и маханием платочками. А автоматчики охраны, через наших контрабандистов, наймут какое-нибудь суденышко и поплывут отдельно. В Таганроге встретимся. Просто есть у меня подозрения, что в Крыму наверняка присутствуют люди из оппозиции, которые должны проследить за Чуром. Проследить и доложить своим, что да как. И не надо делать большие глаза. Не зря же Григоращенко на трибунале напомнил, что еще четыре месяца назад наши матросики такими же долбанутыми были...

В общем, мужиков я убедил. Удалось даже отбиться от их требований взять с собой побольше людей. Смысла в этом не было, так как одиннадцать автоматов на ближней дистанции, если надо, создадут такой вал огня, который местным и не снился.

А потом мы вдвоем загрузились на корабль. Парни же поплыли (хм, не поплыли, а пошли...) в Таганрог на нанятой фелюге. Оттуда в одном поезде, но раздельно, добрались до Ростова. И теперь я парней, смеясь, называл «лошадьми», так как в военной администрации города затребовал теплушку, аргу-

ментируя требование именно наличием у меня четвероногого транспорта. Ну а дальше просто дело техники. Автоматчики тайно проникли в вагон, двери прикрыли — и вот мы уже второй день в пути.

Пока я курил, ребята организовали перекус, тронувший меня за плечо Чендиев отвлек от медитативного процесса созерцания:

— Командыр. Пошлы кушат.

Да-да. Оставить абрека в Севастополе не получилось. На Магу не действовали никакие аргументы. Хитрый «чех» за это время обеспечил самыми разнообразными ништяками весь свой аул (там, по-моему, и на ближайшие окрестности хватило), поэтому считался в горах весьма уважаемым человеком. Прямо как в той песне — «Тофик умный и отважный, потому что деньга накопил». Хотя, в отличие от фольклорного «Тофика», смелости Магомеду реально не занимать. Да и польза от него вроде и незаметная, но вполне ощутимая. Поэтому жестко приказывать оставаться в расположении не стал. Просто пояснил, что в Москве нам точно никакие трофеи не светят. Что у нас, скорее всего, получится исключительно карательный рейд. Но Чендиев отреагировал в своей неожиданной манере:

— Наказат тэх, кто на Тшура коса сматрэл, это хорошо. Точно надо с тобой иду! Твой враг — мой враг.

Вот и вышло, что в столицу нас едет в общей сложности пятнадцать человек. Все входили в подразделение охраны. Причем каждый отобран лично и скрупулёзно. Мне ведь с этими ребятами очень долго (как я надеюсь) по всему земному шару таскаться. Поэтому при вербовке учитывалось всё — и общая авантюрность характера, и привычка держать язык за зубами, и решительность действий

в сложной обстановке, и умение работать как в группе, так и в одиночку. Да там все качества перечислять запаришься. Но самое интересное (тут уж я сильно постарался), что парни, даже в нашей пропитанной самой различной агитацией атмосфере, оставались достаточно аполитичными. Даже где-то циничными. Однозначно присутствовала личная преданность командиру, а вот в остальном... Для ребят «своими» могли быть и офицер, и боец красного отряда, и простой обыватель. То есть при общении с людьми они смотрели не на классовую принадлежность, а на суть человека.

Хотя в каждом из бойцов эта жилка — жить и судить об окружающих по справедливости — изначально присутствовала. Вот тот же Федор Потапов с Демидом Носовым и остальными приятелями-дембелями пришли на помощь практически незнакомому человеку, помогая мне завалить охреневших от безнаказанности анархистов на станции.

Но, наверное, надо представить всех. Помимо Берга, Потапова и Носова, было еще трое студентов. Михаил Федосов, Алексей Журба и Дмитрий Потоцкий. При этом вся троица из Киевского политеха. Федосов с механического отделения, а Журба с Потоцким с инженерного. Свалили из Киева к родителям в Ростов, когда «небратья» объявили о создании своей республики. Точнее, когда на небольшом митинге в институте схлестнулись с апологетами идеи украинства. Где в бурной дискуссии и доказали их неправоту. Панове, собрав зубы с пола, мрачно пообещали устроить месть. Студенты, не став дожидаться осуществления обещанного (тем более что националисты просто избиением бы не ограничились), покинули город.

Потом уже, в Ростове, наслушавшись моих выступлений, записались в батальон. Где я их и приметил. Парни — оторви да выбрось! Как их за все художества раньше не выперли из института, не представляю. Может, потому что они, при всем своем бардачном отношении к жизни (чем сильно напоминали современных мне студиозов), были очень грамотными ребятами? Во всяком случае, уже сейчас хлопцы советом и руками активно помогали в модернизации нашей техники при работе на заводе.

В «ближниках» охраны присутствовал и бывший офицер. Подпоручик из драгун — Андрей Василенко. Виртуоз сабельного боя, у которого и мне было незазорно поучиться владению длинноклинковым оружием. А то с ножами давно могу обращаться, но вот с саблями как-то не приходилось... Два моремана-сигнальщика: Вячеслав Соболев с Иваном Кутиковым, тоже пришлись в тему. Сильные и ловкие будто пришли не с железных коробок, а с парусного флота, где постоянно по вантам бегать надо. При этом Кутиков, без всяких модификаций, обладал ночным зрением, почти не уступающим моему.

Еще была пара крестьянских парубков из казачьих станиц — Леха Пузякин (худой и длинный парняга с широкими словно лопата ладонями) и шустрый, словно капелька ртути, Богдан Ерема (если что Ерема — это фамилия). Ну а завершали «чертову дюжину» Борис Ивлеев — рукастый паренек с Путиловского, которого я выделил среди пришедших к нам людей Лапина, и Сергей Приштин (в девичестве Соломон Рубинчик) — «дважды угнетенный». Серега получил это прозвище, потому как относился к выкрестам. Папа его, исходя из каких-то внутренних убеждений, внезапно решил сменить веру

и, забив на Тору, перекинулся в православие. Вот и получилось, что их семью сначала гоняли в местечке — за превращение в гоев, а потом, после переезда, их же гоняли в городе, но уже как жидов. В результате чего Сергей вырос крепким, драчливым, но не сломленным. У человека был один минус — к евреям Приштин относился просто с огромным предубеждением. Но умел сдерживать порывы души, поэтому прижился.

Что еще сказать за охрану? С ними я дополнительно занимался практически каждый день, и бойцы получились — огонь. А главное — мы все както даже мыслили на одной волне, что в целом тоже сильно способствовало душевному равновесию. Нет, у меня все подчиненные в батальоне просто орлы, только вот за ними, как и за любыми солдатами, надо постоянно присматривать, дабы чего не учудили. Но это вполне понятно и привычно. У нас в Афгане с личным составом та же фигня происходила. Нет, не в бою. Там косяков практически не случалось. Зато по возвращении в расположение... Толпа молодых мужиков, пусть даже в умат уставшая после выхода, способна на такие выходки, что уму непостижимо. Не зря говорят — солдаты те же дети, только с большими членами. Вот мы и куролесили, доводя своих офицеров до седых волос. Разумеется, не нарочно, а вследствие отсутствия мозгов и присутствия огромного шила в заднице.

Но с десятком охраны все получалось несколько по-другому. С ними взаимоотношения строились, словно с офицерской группой спецназа. Нет, и они учудить могут, но в меньшей степени и с гораздо меньшей частотой. Во всяком случае, окоп для «стрельбы стоя с лошади» рыли всего два раза.

Поэтому сейчас, принимая у хозяйственного Богдана тарелку, я кивнул и, усевшись на нары, отдал должное каше. Пока ел, состав очередной раз остановился. Выглянувший в дверь Журба оповестил:

— Опять на семафоре встали. — И цыкнув зубом, добавил: — Когда только доедем? Это же не езда, а ёрзанье. Каждые полчаса останавливаемся!

Тут он прав. Вот эти — дерг (вагон), блям (сцепка) уже достали. С другой стороны, хорошо, что вообще доехали, а то вчера сказали, что с путями что-то случилось и мы из-за этого ушли на другую ветку. Поэтому прибытие будет не на Казанский, а на Брянский вокзал. Но это все мелочи. Главное — едем. С удовольствием потянувшись, я ответил:

— Да вон, похоже, окраины уже видны, так что скоро на месте будем.

После чего подхватив оставшиеся полбулки хлеба и отпластав кусок от шмата сала, спрыгнул с теплушки на насыпь. Похрустывая редким гравием, прошел вперед до пассажирского вагона и, повернувшись к нему спиной, ударил каблуком по угольному ящику:

— Эй, сова! Открывай — медведь пришел!

В ответ тишина. Но я не успокаивался:

— Мурзилки, не тупите. Паровоз скоро поедет, а вы без шамовки останетесь. У меня тут хлеб белый с салом...

Под вагоном зашебуршало, и на свет божий появилась перемазанная угольной пылью мордаха пацана лет двенадцати. Он недоверчиво окинул меня взглядом, но, заметив продукты в руках, прищурил глаз:

— Чегой-то это ты, дядька, нас словно голубей подманиваешь? Али еды у тя завались? Али жалостливый такой?

Я мотнул головой:

— Нет. Дело есть. А это... — качнув в руке булкой, продолжил: — Задаток.

Мальчишка появился весь и, унюхав запах сала, гулко глотнув, деловито спросил:

— Чё надоть? Токмо сразу скажу, что у нас содомитов нема. Но ежели на стреме постоять надоть, то мы завсегда...

Пришлось успокоить:

— «Бугры»[1] не интересуют. А надо, чтобы вы, когда поезд на вокзал приедет, посмотрели, кто в наш вагон зайти захочет. Ну и нам рассказали.

Мурзилка тряхнул головой:

— Не понял. А сами-то чё? Глаза закроете, шоб их не видать?

— Нет. Мы раньше выйдем. Ну а вы глянете, кто на вокзале в теплушку ломиться станет. И если получится проследить, куда они потом пойдут, то помимо жратвы, еще и деньгами накину.

— Скока?

— Десять рублей дам.

Беспризорник шмыгнул, вытерев нос рукавом, и, показав в улыбке контрастно-белые на черной физиономии зубы, ответил:

— Вот теперича понял. А ежели не получится проследить?

Я пожал плечами:

— Тогда только два фунта белого хлеба и фунт сала. Мы вас ждать на площади будем. С той стороны, где башня с часами. Знаешь, где это?

Собеседник утвердительно кивнул:

---

[1] Одно из жаргонных названий гомосексуалистов в начале века.